

Чехов Антон Павлович

Три сестры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Три сестры / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
76 с.

ISBN 978-5-521-30202-4

ISBN 978-5-521-30202-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домъ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, за которыми виденъ большой залъ. Полдень; на дворъ солнечно, весело. Въ залъ накрываютъ столъ для завтрака. Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, все время поправляетъ ученическія тетрадки, стоя и на ходу; Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колѣняхъ сидитъ и читаетъ книжку, Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга. — Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятого мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шель снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ обморокѣ, какъ мертвая. Но вотъ прошелъ годъ и мы вспоминаемъ объ этомъ легко, ты уже въ бѣломъ платьѣ, лицо твое сіяетъ. (*часы бьютъ двѣнадцать*). И тогда также били часы. (*пауза*) Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбищѣ стрѣляли. Онъ былъ генералъ, командовалъ бригадой, между тѣмъ народу шло мало. Впрочемъ, былъ дождь тогда. Сильный дождь и снѣгъ.

Ирина. — Зачѣмъ вспоминать!

За колоннами, въ залъ около стола показываются бароны Тузенбахъ, Чебутыкинъ и Соленый.

Ольга. — Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехалъ съ нами изъ Москвы одиннадцать лѣтъ назадъ и, я отлично помню, въ началѣ мая, вотъ въ эту пору въ Москвѣ уже все въ цвѣту, тепло, все залито солнцемъ. Одиннадцать лѣтъ прошло, а я помню тамъ все, какъ будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утромъ проснулась, увидѣла массу свѣта, увидѣла весну, и радость заволновалась въ моей душѣ, захотѣлось на родину страстно.

Чебутыкинъ. — Чорта съ два!

Тузенбахъ. — Конечно, вздоръ.

Маша (*задумавшись надъ книжкой, тихо насвистываетъ тѣсно*).

Ольга. — Не свисти, Маша. Какъ это ты можешь! (*пауза*) Оттого, что я каждый день въ гимназiи и потомъ даю уроки до вечера, у меня постоянно болитъ голова и такія мысли, точно я уже состарилась. И въ самомъ дѣлѣ, за эти четыре года, пока служу въ гимназiи, я чувствую, какъ изъ меня выходятъ каждый день по каплямъ и силы, и молодость. И только растетъ и крѣпнеть одна мечта...

Ирина. — Уѣхать въ Москву. Продать домъ, покончить все здѣсь и въ Москву...

Ольга. — Да! Скорѣе въ Москву.

Чебутыкинъ и Тузенбахъ смѣются.

Ирина. — Братъ, вѣроятно, будетъ профессоромъ, онъ все равно не станетъ жить здѣсь. Только вотъ остановка за бѣдной Машей.

Ольга. — Маша будетъ пріѣзжать въ Москву на все лѣто, каждый годъ.

Маша (*тихо насвистываетъ тѣсно*).

Ирина. — Богъ дастъ, все устроится. (*глядя въ окно*) Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душѣ такъ свѣтло! Сегодня утромъ вспомнила, что я именинница,

и вдругъ почувствовала радость, и вспомнила дѣтство, когда еще была жива мама. И какія чудныя мысли волновали меня, какія мысли!

Ольга.—Сегодня ты вся сіяешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей былъ бы хорошъ, только онъ располнѣлъ очень, это къ нему не идетъ. А я постарѣла, похудѣла сильно, оттого, должно быть, что сержусь въ гимназiи на дѣвочекъ. Вотъ сегодня я свободна, я дома, и у меня не болитъ голова, я чувствую себя моложе, чѣмъ вчера. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, только... Все хорошо, все отъ Бога, но мнѣ кажется, если бы я вышла замужъ и цѣлый день сидѣла дома, то это было бы лучше. *(пауза)* Я бы любила мужа.

Тузенбахъ *(Соленому)*.—Такой вы вздоръ говорите, надобно васъ слушать. *(входя въ гостиную)* Забылъ сказать. Сегодня у васъ съ визитомъ будетъ нашъ новый батарейный командиръ Вершининъ. *(садится у пианино)*.

Ольга.—Ну, что-жъ! Очень рада.

Ирина.—Онъ старый?

Тузенбахъ.—Нѣтъ, ничего. Самое большее, лѣтъ сорокъ, сорокъ пять. *(тихо наирываетъ)* Повидимому, славный малый. Не глупъ, это—несомнѣнно. Только говорить много.

Ирина.—Интересный человекъ?

Тузенбахъ.—Да, ничего себѣ, только жена, теща и двѣ дѣвочки. Притомъ женатъ во второй разъ. Онъ дѣлаетъ визиты и вездѣ говоритъ, что у него жена и двѣ дѣвочки. И здѣсь скажетъ. Жена какая-то полоумная, съ длинной дѣвической косой, говоритъ однѣ высокопарныя вещи, философствуетъ и часто покушается на самоубійство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушелъ отъ такой, но онъ терпѣть и только жалуется.

Соленый *(входя изъ залы въ гостиную съ Чебутыкинымъ)*.—Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудовъ. Изъ этого я заключаю,

что два человѣка сильнѣе одного не вдвое, а втрое, даже больше...

Чебутыкинъ (*читаетъ на ходу газету*).—При выпаденіи волосъ... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*записываетъ въ книжку*) Запишемъ-съ! (*Соленому*) Такъ вотъ, я говорю вамъ, пробочка втыкается въ бутылочку, и сквозь нее проходитъ стеклянная трубочка... Потомъ вы берете щепоточку самыхъ простыхъ, обыкновеннѣйшихъ квасцовъ...

Ирина.—Иванъ Романычъ, милый Иванъ Романычъ!

Чебутыкинъ.—Что, дѣвочка моя, радость моя?

Ирина.—Скажите мнѣ, отчего я сегодня такъ счастлива? Точно я на парусахъ, надо мной широкое голубое небо и носятся большія бѣлыя птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкинъ (*цѣлуетъ ей обѣ руки, нѣжно*). — Птица моя бѣлая...

Ирина.—Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мнѣ вдругъ стало казаться, что для меня все ясно на этомъ свѣтѣ, и я знаю, какъ надо жить. Милый Иванъ Романычъ, я знаю все. Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключается смыслъ и цѣль его жизни, его счастье, его восторги. Какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бьетъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учитъ дѣтей, или машинистомъ на желѣзной дорогѣ... Боже мой, не то что человѣкомъ, лучше быть волкомъ, лучше быть простою лошадыю, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня, потомъ пьетъ въ постели кофе, потомъ два часа одѣвается... о, какъ это ужасно! Въ жаркую погоду такъ иногда хочется пить, какъ мнѣ захотѣлось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мнѣ въ вашей дружбѣ, Иванъ Романычъ.

Чебутыкинъ (*нѣжно*).—Откажу, откажу...

Ольга. — Отецъ пріучилъ насъ вставать въ семь часовъ. Теперь Ирина просыпается въ семь и, по крайней мѣрѣ, до девяти лежитъ и о чемъ-то думаетъ. А лицо серьезное! (*смѣется*).

Ирина. — Ты привыкла видѣть меня дѣвочкой и тебѣ странно, когда у меня серьезное лицо. Мнѣ двадцать лѣтъ!

Тузенбахъ. — Тоска по трудѣ, о Боже мой, какъ она мнѣ понятна! Я не работалъ ни разу въ жизни. Родился я въ Петербургѣ, холодномъ и праздномъ, въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ. Помню, когда я пріѣзжалъ домой изъ корпуса, то лакей стаскивалъ съ меня сапоги, я капризничалъ въ это время, а моя мать смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ и удивлялась, когда другіе на меня смотрѣли иначе. Меня оберегали отъ труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какіе-нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!

Чебутыкинъ. — Я не буду работать.

Тузенбахъ. — Вы не въ счетъ.

Соленый. — Черезъ двадцать пять лѣтъ васъ уже не будетъ на свѣтѣ, слава Богу. Года черезъ два-три вы умрете отъ кондрашки, или я вспылю и всажу вамъ пулю въ лобъ, ангелъ мой. (*вынимаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и опрыскиваетъ себя грудь, руки.*)

Чебутыкинъ (*смѣется*). — А я въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ только однѣ газеты... (*вынимаетъ изъ кармана другую газету*) Вотъ... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ — не знаю... Богъ его знаетъ... (*слышно, какъ стучатъ въ*

поль изъ нижняго этажа). Вотъ... Зовутъ меня внизъ, кто-то ко мнѣ пришелъ. Сейчасъ приду... погодите... *(торопливо уходитъ, расчесывая бороду)*.

Ирина. — Это онъ что-то выдумалъ.

Түзенбахъ. — Да. Ушелъ съ торжественной фізіономіей, очевидно, принесетъ вамъ сейчасъ подарокъ.

Ирина. — Какъ это неприятно!

Ольга. — Да, это ужасно. Онъ всегда дѣлаетъ глупости.

Маша. — У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ... Золотая цѣпь на дубѣ томъ... *(встаетъ и напеваетъ тихо)*.

Ольга. — Ты сегодня не веселая, Маша.

Маша *(напевая, надъпеваетъ шляпу)*.

Ольга. — Куда ты?

Маша. — Домой.

Ирина. — Странно...

Түзенбахъ. — Уходить съ именинъ!

Маша. — Все равно... Приду вечеромъ. Прощай, моя хорошая... *(цѣлуетъ Ирину)* Желаю тебѣ еще разъ, будь здорова, будь счастлива. Въ прежнее время, когда былъ живъ отецъ, къ намъ на именины приходило всякій разъ по тридцать-сорокъ офицеровъ, было шумно, а сегодня только полтора человѣка и тихо, какъ въ пустынѣ... Я уйду... Сегодня я въ мерлехлюндін, невесело мнѣ, и ты не слушай меня. *(смыкаетъ сквозь слезы)* Послѣ поговоримъ, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина *(недовольная)*. — Ну, какая ты...

Ольга *(со слезами)*. — Я понимаю тебя, Маша.

Соленый. — Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философистика, или тамъ софистика; если же философствуетъ женщина, или двѣ женщины, то ужъ это будетъ—потяни меня за палецъ.

Маша. — Что вы хотите этимъ сказать, ужасно страшный человѣкъ?

Соленый.—Ничего. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь наѣлъ. *(пауза)*.

Маша *(Ольгѣ, сердито)*.—Не реви!

Входятъ Анеиса и Ферапонтъ съ тортомъ.

Анеиса.—Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистыя. *(Иринѣ)* Изъ земской управы, отъ Протопопова, Михаила Иваныча... Пирогъ.

Ирина.—Спасибо. Поблагодари. *(принимаетъ тортъ)*.

Ферапонтъ.—Чего?

Ирина *(громче)*.—Поблагодари!

Ольга.—Нянечка, дай ему пирога. Ферапонтъ, иди, тамъ тебѣ пирога дадутъ.

Ферапонтъ.—Чего?

Анеиса.—Пойдемъ, батюшка Ферапонтъ Спиридонычъ. Пойдемъ... *(уходитъ съ Ферапонтомъ)*.

Маша.—Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не слѣдуетъ приглашать.

Ирина.—Я не приглашала.

Маша.—И прекрасно.

Входитъ Чебутыкинъ, за нимъ солдатъ съ серебрянымъ самоваромъ; гулъ изумленія и недовольства.

Ольга *(закрываетъ лицо руками)*.—Самоваръ! Это ужасно! *(уходитъ въ залу къ столу)*.

Ирина.—Голубчикъ, Иванъ Романычъ, что вы дѣлаете!

Түзенбахъ *(смѣется)*.—Я говорилъ вамъ.

Маша.—Иванъ Романычъ, у васъ просто стыда нѣтъ!

Чебутыкинъ.—Милыя мои, хорошія мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свѣтѣ. Мнѣ скоро шестьдесятъ, я старикъ, одинокій, ничтожный старикъ... Ничего во мнѣ нѣтъ хорошаго, кромѣ этой любви къ вамъ, и если бы не вы, то я бы давно уже не жилъ на свѣтѣ... *(Иринѣ)* Милая, дѣточка моя, я зналъ васъ со дня вашего рожденія... носилъ на рукахъ... я любилъ покойницу маму...

Ирина.—Но зачѣмъ такіе дорогіе подарки!

Чебутыкинъ (*сквозь слезы, сердито*). — Дорогіе подарки... Ну васъ совсѣмъ! (*Деничику*) Неси самоваръ туда... (*дразнитъ*) Дорогіе подарки... (*Деничикъ уноситъ самоваръ въ залъ*).

Анеиса (*проходя черезъ гостиную*). — Милыя, полковникъ незнакомый. Ужъ пальто снятъ, дѣточки, сюда идетъ. Ари-пущка, ты же будь ласковая, вѣжливенькая... (*уходя*) И завтракать уже давно пора... Господи...

Түзенбахъ.—Вершининъ, должно быть.

Входитъ Вершининъ.

Түзенбахъ.—Подполковникъ Вершининъ!

Вершининъ (*Машъ и Ирину*). — Честъ имѣю представиться: Вершининъ. Очень, очень радъ, что, наконецъ, я у васъ. Какія вы стали! Ай! ай!

Ирина.—Садитесь, пожалуйста. Намъ очень пріятно.

Вершининъ (*весело*).—Какъ я радъ, какъ я радъ! Но вѣдь васъ три сестры. Я помню—три дѣвочки. Лицъ ужъ не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленькихъ дѣвочки, я отлично помню и видѣлъ собственными глазами. Какъ идетъ время! Ой, ой, какъ идетъ время!

Түзенбахъ.—Александръ Игнатьевичъ изъ Москвы.

Ирина.—Изъ Москвы? Вы изъ Москвы?

Вершининъ.—Да, оттуда. Вашъ покойный отецъ былъ тамъ батарейнымъ командиромъ, а я въ той же бригадѣ офицеромъ. (*Машъ*) Вотъ ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша.—А я васъ—нѣтъ!

Ирина.—Оля! Оля! (*кричитъ въ залу*) Оля, иди же!

Ольга (*входитъ изъ залы въ гостиную*).

Ирина. — Подполковникъ Вершининъ, оказывается, изъ Москвы.

Вершининъ.—Вы, стало быть, Ольга Сергѣевна, старшая... А вы Марія... А вы Ирина—младшая...

Ольга.—Вы изъ Москвы?

Вершининъ.—Да. Учился въ Москвѣ и началъ службу въ Москвѣ, долго служилъ тамъ, наконецъ, получилъ здѣсь батарею—перешелъ сюда, какъ видите. Я васъ не помню собственно, помню только, что васъ было три сестры. Вашъ отецъ сохранился у меня въ памяти, вотъ закрою глаза и вижу, какъ живого. Я у васъ бывалъ въ Москвѣ...

Ольга.—Мнѣ казалось, я всѣхъ помню, и вдругъ...

Вершининъ.—Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичемъ..

Ирина.—Александръ Игнатьевичъ, вы изъ Москвы... Вотъ неожиданности!

Ольга.—Вѣдь мы туда переѣзжаемъ.

Ирина.—Думаемъ, къ осени уже будемъ тамъ. Нашъ родной городъ, мы родились тамъ... На Старой Басманной улицѣ... (*Объ смѣются отъ радости*).

Маша.—Неожиданно земляка увидѣли. (*живо*) Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у насъ говорили: «влюбленный майоръ». Вы были тогда поручикомъ и въ кого-то были влюблены, и васъ всѣ дразнили почему-то майоромъ...

Вершининъ (*смѣется*).—Вотъ, вотъ... Влюбленный майоръ, это такъ...

Маша.—У васъ были тогда только усы... О, какъ вы постарѣли! (*сквозь слезы*) Какъ вы постарѣли!

Вершининъ.—Да, когда меня звали влюбленнымъ майоромъ, я былъ еще молодъ, былъ влюбленъ. Теперь не то.

Ольга.—Но у васъ еще ни одного сѣдого волоса. Вы постарѣли, но еще не стары.

Вершининъ.—Однако, уже сорокъ третій годъ. Вы давно изъ Москвы?

Ирина.—Одиннадцать лѣтъ. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... (*сквозь слезы*). И я заплачу...

Маша.—Я ничего. А на какой вы улицѣ жили?

Вершининъ.—На Старой Басманной.

Ольга.—И мы тамъ тоже...

Вершининъ.—Одно время я жилъ на Нѣмецкой улицѣ. Съ Нѣмецкой улицы я хаживалъ въ Красныя казармы. Тамъ по пути угрюмый мостъ, подъ мостомъ вода шумить. Одинокому становится грустно на душѣ. *(пауза)* А здѣсь какая широкая, какая богатая рѣка! Чудесная рѣка!

Ольга.—Да, но только холодно. Здѣсь холодно и комары...

Вершининъ.—Что вы! Здѣсь такой здоровый, хорошій, славянскій климатъ. Лѣсъ, рѣка... и здѣсь тоже березы. Милыя, скромныя березы, я люблю ихъ больше всѣхъ деревьевъ. Хорошо здѣсь жить. Только странно, вокзалъ желѣзной дороги въ двадцати верстахъ... И никто не знаетъ, почему это такъ.

Соленый.—А я знаю, почему это такъ. *(всѣ глядятъ на него)* Потому что, если бы вокзалъ былъ близко, то не былъ бы далеко, а если онъ далеко, то, значить, не близко.

Неловкое молчаніе.

Тузенбахъ.—Шутникъ, Василій Васильичъ.

Ольга.—Теперь и я вспомнила васъ. Помню.

Вершининъ.—Я вашу матушку зналъ.

Чебутынинъ.—Хорошая была, царство ей небесное.

Ирина.—Мама въ Москвѣ погребена.

Ольга.—Въ Ново-Дѣвичьемъ...

Маша.—Представьте, я ужъ начинаю забывать ся лицо. Такъ и о насъ не будутъ помнить. Забудутъ.

Вершининъ.—Да. Забудутъ. Такова ужъ судьба наша, ничего не подѣлаешь. То, что кажется намъ серьезнымъ, значительнымъ, очень важнымъ,--придетъ время, --будетъ забыто, или будетъ казаться неважнымъ. *(пауза)* И интересно, мы теперь совсѣмъ не можемъ знать, что собственно будетъ считаться высокимъ, важнымъ, и что жалкимъ, смѣшнымъ. Развѣ открытіе Коперника, или, положимъ, Колумба не казалось въ первое время ненужнымъ, смѣшнымъ,